

хозяйстве республики внедрено 136 научных разработок с экономическим эффектом 26,8 млн. рублей¹⁴. Внедрение достижений науки и техники, повышение производительной силы земли дало возможность, несмотря на неблагоприятные погодные условия в течение трех лет десятой пятилетки, увеличить среднегодовой объем валовой продукции в хозяйствах республики на 15 %, закупки зерна во всех категориях хозяйств — на 19, скота и птицы — на 16, молока — на 26, яиц — на 58 %¹⁵.

Усилили внимание к решению фундаментальных проблем агропромышленного комплекса партийные организации, институты Академии наук БССР. Коллективы физико-технического института и Института математики совместно с производственным объединением «Белавтомаз» и научно-производственным объединением «Белсемкартофель» обратились к работникам науки и высшей школы, к рабочим, колхозникам, специалистам народного хозяйства Белоруссии с призывом ускорить внедрение результатов поиска исследователей в народное хозяйство. ЦК КПБ поддержал ценную инициативу¹⁶.

Ученые республики вносят весомый вклад в ускорение научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, способствуя его интенсификации и эффективности. Тесно взаимодействуя с производством, они добились эффективности труда и науки, совместно борются за скорейшее выполнение Продовольственной программы партии.

¹ См.: Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974 гг.).— М., 1975, с. 298; Ленинская аграрная политика КПСС.— Сб. важнейших документов (март 1965 г.— июль 1978 г.). М., 1978, с. 523.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2193, л. 61—65.

³ См.: Текущий архив Белорусского республиканского правления научно-технического общества сельского хозяйства (1970—1980).

⁴ См.: Сельское хозяйство Белоруссии.— Минск, 1980, с. 206—207.

⁵ См.: Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (На материалах Компартии Белоруссии, 1959—1973 гг.).— Минск, 1974, с. 240.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 46, д. 890, л. 1—4.

⁷ Там же, оп. 81, д. 2451, л. 27.

⁸ См.: Текущий архив Белорусского республиканского правления научно-технического общества сельского хозяйства.

⁹ См.: Коммунист Белоруссии, 1977, № 2, с. 50—53.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2709, л. 28, 35.

¹¹ См.: Сельское хозяйство Белоруссии, 1979, № 8, с. 12.

¹² См.: Справочник партийного работника.— М., 1979, с. 220.

¹³ См.: Советская Белоруссия, 1981, 29 декабря.

¹⁴ См.: Сельская газета, 1982, 17 июня.

¹⁵ См.: Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Белоруссии.— Минск, 1981, с. 72.

¹⁶ См.: Сельская газета, 1982, 19 июня.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

МИЛОГРАДСКАЯ И ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРЫ

Вопросы происхождения и исторических судеб милоградских и зарубинецких племен, отношения милоградцев к генезису зарубинецкой культуры представляют большой научный интерес, имеют обширную литературу и различную интерпретацию. Памятники милоградской культуры распространены в южной Белоруссии и Украинской Волины, однако крупные исследования были проведены в основном на поселениях, расположенных в поречье Днепра, между устьями Березины и Припяти. Весьма вероятно, что культура сформировалась на основе предшествовавших ей культур эпохи бронзы, поскольку никаких других промежуточных памятников здесь не выявлено, а предполагать уход из этих мест скотоводческих племен поздней бронзы нет оснований. В юго-западном регионе милоградского ареала, где сосредоточены известные пока памятники раннего этапа культуры, она непосредственно (хронологически и по типам вещей) смыкается с сосницкой культурой. Отдельные прототипы милоградских круглодонных сосудов можно разглядеть в керамике средненипровской культуры и даже финальных стадий неолита Белорусского Поднепровья (поселение Милоград)¹. Отражением преемственности в развитии культур эпохи бронзы и милоградской можно также считать сходство элементов в орнаментике керамики (ямочные вдавливания, оттиски палочки, жемчуж-

ный орнамент; заштрихованные треугольники на посуде бронзового века и милоградских глиняных грузиках, повторяющих форму милоградских сосудов). Все это, с учетом локализации милоградских памятников в ареале балтийской гидронимии, хотя и значительно ослабленной к югу от Припяти, может свидетельствовать в пользу балтийской принадлежности милоградских племен².

Вместе с тем милоградская культура по своему общему облику заметно отличается от синхронных ей балтийских культур штрихованной керамики, днепродвинской и юхновской. Помимо своеобразной круглодонной посуды она отличается иным, чем у названных культур, типом небольшого жилища столбовой конструкции, несколько углубленного в землю и рассчитанного на одну семью. В орудиях труда и оружии ощущается сильное влияние южных культур. Не вполне объяснимы пока различия в погребальной обрядности. Возможны также различия в типах хозяйства между отдельными областями милоградского региона. Все это дает основания и для других решений вопроса об этнической принадлежности милоградских племен, их этническом своеобразии³. Проблема осложнена тем, что ранние памятники милоградцев, сосредоточенные в основном на Украинской Волини, еще недостаточно изучены, в то время как верхнеднепровские не охватывают всего хронологического диапазона существования культуры и относятся к ее средней и поздней стадиям.

Представляет интерес и требует объяснения тот факт, что в ранних слоях некоторых городищ культуры штрихованной керамики на значительном расстоянии от основной области милоградской культуры найдены сосуды милоградских форм⁴. Эти формы могли развиться и самостоятельно на основе общих как для милоградцев, так и племен культуры штрихованной керамики сосудов скотоводов эпохи бронзы, пришедших сюда из Поднепровья до того, как появились в этом регионе неманские балты. В результате смещения неманских и поднепровских балтов возник особый вариант (восточный) культуры штрихованной керамики, в котором сохранился на какое-то время как реликт древний днепровский тип круглодонного горшка⁵. Можно также предположить, что в ареал формировавшейся милоградской культуры первоначально входило и поречье Березины, на которое позже распространились племена культуры штрихованной керамики, ассимилировавшие местную группу милоградцев⁶. Однако этому, кажется, противоречат отсутствие здесь других милоградских признаков (жилищ, пряслиц), а также находки сосудов милоградских форм в бесспорных комплексах культуры штрихованной керамики (городище Лабенщина). Возможно также, что под давлением южных или западных соседних племен часть милоградцев переселилась в восточную часть области, занятую племенами культуры штрихованной керамики. Наконец, находки милоградских предметов на поселениях культуры штрихованной керамики точно так же, как элементов последней в милоградском ареале, существование широкой промежуточной зоны, в которой почти в равной степени представлены обе культуры, позволяют говорить о значительной взаимной инфильтрации как культурной, так и этнической, что, возможно, свидетельствует об этнической близости носителей этих культур.

В начале II или конце III веков до н. э. на значительной части милоградского ареала распространились памятники зарубинецкой культуры. Решение вопроса о дальнейшей судьбе милоградских племен связано с проблемой происхождения зарубинецкой культуры. К настоящему времени известно более сотни достоверных зарубинецких поселений и могильников. Но, несмотря на длительную историю изучения культуры и значительные масштабы раскопок, крупнейший исследователь зарубинецких древностей П. Н. Третьяков справедливо заметил, что вопрос о происхождении культуры все еще не решен, а существующие мнения покоятся «не столько на основе бесспорных археологических фактов, сколько на соображениях общего характера»⁷. Одна из причин состоит в том, что недостаточно исследованы ранние памятники зарубинцев, а также памятники финальной стадии культур, предшествовавших зарубинецким, что, впрочем, не помешало некоторым исследователям высказать категоричное суждение об отсутствии между милоградцами и зарубинцами генетических связей⁸.

Особое внимание исследователей зарубинецкой культуры привлекли так называемые поморские реминисценции, представленные урновыми захоронениями, узкогорлыми и бургистыми сосудами поморско-подкляшювых форм в некоторых ранних зарубинецких могильниках, и ряд других

западных по происхождению культурных элементов, которые нельзя объяснить простым заимствованием. Казалось также, что наиболее ранние памятники зарубинцев сосредоточены в Западном Полесье и на Волини. Это послужило основанием для Ю. В. Кухаренко сформулировать гипотезу о западном происхождении зарубинецкой культуры. По его мнению, она формировалась на базе культуры поморских племен, которые в процессе расселения с Кашубской возвышенности оказались в Западном Полесье и на Волини в ситуации, схожей с той, которая сложилась для них в Повисленье, где в результате смещения поморцев с лужицкими племенами возникла новая культура подклошовых погребений. В Полесье и на Волини следствием этнических взаимодействий по существу тех же племен стала зарубинецкая культура, которая позже распространилась на более широкую территорию⁹. Однако Ю. В. Кухаренко не объяснил, почему из одних и тех же этнокультурных компонентов в Повисленье и Полесье возникли разные археологические культуры, а область предполагаемой «прародины» зарубинцев очень слабо насыщена их памятниками. Сама эта территория настолько незначительна, что невозможно представить, откуда возник такой мощный зарубинецкий поток, который смог в короткое время распространиться на обширные пространства до Сейма на востоке и Тясмина на юге и полностью поглотить местные культуры. Видимо, сложение зарубинецкой культуры и ранняя история ее носителей развивались по иному сценарию. Не подтверждается и мнение Ю. В. Кухаренко о том, что полесские памятники зарубинцев старше среднеднепровских. Лишь самый ранний из них — могильник у д. Отвержици мог возникнуть предположительно в конце III века до н. э. Однако к этому же времени (по обломкам античной керамики) можно отнести и начало Корчеватовского могильника в Среднем Поднепровье. В обоих могильниках обнаружены урновые захоронения и сосуды поморских форм. Все это указывает на то, что поморско-подклошовые племена, участие которых в сложении зарубинецкой культуры очевидно, довольно быстро вышли к среднему течению Днепра и формирование зарубинецкой культуры произошло на значительно большей территории, чем считал Ю. В. Кухаренко¹⁰. Представляется сомнительным, чтобы местные племена, обитавшие в этих землях до прихода поморцев, не принимали участия в формировании зарубинецкой культуры, хотя бы потому, что численность поморских племен, видимо, была не столь уж велика, так как до сих пор на территории Украинской Волини, за исключением самых западных районов, неизвестны «чистые» памятники поморцев.

Одним из доводов против признания значительной роли местных племен в генезисе зарубинцев было представление о разнохарактерности предшествующего этнокультурного фона. Действительно, в период максимального распространения зарубинецких племен их ареал наложился на милоградскую, юхновскую, днепровинскую и часть скифской культур. Но это отнюдь не означает, что население всех этих земель должно было участвовать в образовании зарубинецкой культуры. Лишь незначительная часть скифской территории, самые северные ее провинции, попала в сферу распространения зарубинецких памятников, которые, кстати, значительно моложе полесских и среднеднепровских. К еще более позднему времени относится появление памятников зарубинцев на территории юхновских племен (приблизительно I век н. э.). Даже в Верхнем Поднепровье зарубинцы оказались мигрантами¹¹. Отсюда следует, что эта обширная территория была освоена зарубинцами в процессе их последующего расселения. И ни скифы, ни юхновцы, ни носители днепровинской культуры не могут рассматриваться потенциальными компонентами зарубинецких племен, поскольку на их земли зарубинцы распространились в качестве уже сложившейся этнокультурной единицы. Таким образом, начальная территория зарубинецкой культуры, где шло ее становление, была ограничена Западным Полесьем и Средним Поднепровьем. Здесь ей предшествовали поморско-подклошовые и милоградские памятники, причем Западное Полесье с его поморско-подклошовыми памятниками скорее следует рассматривать не столько как ядро зарубинецкой культуры, сколько в качестве исходной территории ее поморского компонента. Другим компонентом могли быть только милоградские племена и их культура. Хотя о некотором отливе милоградских племен на север можно судить по археологическим памятникам Верхнего Поднепровья, предполагать полный уход милоградцев из Среднего Поднепровья и Волини или истребление их пришельцами решительно нет никаких оснований. В общетеоретиче-

ском плане маловероятно, чтобы зарубинецкая культура могла сформироваться на этнокультурной основе одних только пришлых племен, и даже Ю. В. Кухаренко признавал наличие элементов местных культур в зарубинецкой, объясняя их «варваризацией» пришельцев со стороны местного населения¹².

Уже сам факт удивительного совпадения ареалов ранних милоградских и зарубинецких памятников, их хронологическое соприкосновение и последовательность смены одних другими заставляет более внимательно отнестись к проблеме взаимоотношений этих двух культур. Археологические материалы, пусть пока и не столь ярко, как этого следовало бы ожидать, что может объясняться все еще недостаточной изученностью региона, свидетельствуют о несомненном участии милоградцев в формировании зарубинецкой культуры. Милоградские реминисценции, подобно поморским, проявляют себя различным образом. Начнем с керамики. Зарубинецкая посуда характеризуется своими, присущими ей типами, и при общей скудости раннезарубинецкого керамического материала уловить ее прототипы нелегко. Предшествующие формы подверглись быстрой и значительной трансформации. Однако, хотя и редко, в зарубинецких комплексах встречаются типичные милоградские сосуды. Такой крупный сосуд, украшенный жемчужным орнаментом, найден в погребении № 93 Корчеватовского могильника¹³. Другой, круглодонный милоградский горшок, найден в одном из разрушенных погребений того же могильника¹⁴. Два горшка милоградского облика найдены в кенотафах могильника Отвержищи¹⁵. Однако еще важнее, что отголоски милоградских форм можно уловить в самих зарубинецких сосудах (например, сосуды № 1, 2, 46, 76, 99, 101 и некоторые другие — в Корчеватовском могильнике)¹⁶. С милоградской традицией может быть сопоставлено использование в качестве элементов орнамента керамики ямочных вдавливающих и «жемчужин».

Нельзя сказать, что нет ничего общего между милоградскими и зарубинецкими погребальными памятниками. Незначительное количество известных зарубинецких захоронений с грунтовыми труположением возможно связано с древним милоградским ритуалом. Накануне возникновения зарубинецкой культуры милоградцы, надо полагать, перешли к трупосожжению с захоронением остатков кремации в грунтовых ямках. Сходство этого типа милоградских погребальных памятников и зарубинецких бесспорно. В могилах некоторых зарубинецких захоронений обнаружены также специально положенные кусочки охры (Отвержищи, Чаплин, Пирововский могильники). Аналогии такому ритуалу отмечены в милоградских захоронениях¹⁷.

Несомненные черты сходства наблюдаются и в жилищах, особенно в свете раскопок раннего среднеднепровского поселения на Пилипенковой горе¹⁸. Раннее зарубинецкое жилище реконструируется как небольшое (12—16 м²) прямоугольное или квадратное, несколько углубленное в землю (0,5—0,8 м), с оштукатуренными глиной деревянными или плетеными стенами. В центре жилища или около одной из стен на уровне земляного пола располагался открытый очаг. Иногда его устраивали в небольшой ямке. Такие же прямоугольные, углубленные в землю жилища с открытым очагом были характерны и для милоградцев. Наземные столбовые зарубинецкие постройки можно увязать и с милоградской строительной традицией. Вблизи как милоградских, так и зарубинецких жилищ находились многочисленные хозяйственные ямки-погребки.

Отмечая элементы сходства в милоградской и зарубинецкой культурах, мы далеки от мысли преувеличивать их значение и, подобно Л. Д. Поголю, считать зарубинецкую культуру результатом простой эволюции милоградской¹⁹. Конечно, факты свидетельствуют о значительной роли в ее становлении и поморско-подклошовых племен. Чей вклад был большим, развивалась ли зарубинецкая культура преимущественно на базе какой-то одной культуры или обе они — милоградская и поморско-подклошова — на равных участвовали в ее становлении — на эти вопросы материалы пока не дают ответа. Эта задача будет решаться в будущем по мере появления и накопления новых фактов. Зарубинецкая культура представляла новое явление со своими специфическими признаками, отличающими ее от других, в том числе и генетически родственных культур. Существенные изменения в общем облике культуры по сравнению с ее предшественниками могут быть объяснены, с одной стороны, естественным культурным прогрессом зарубинецких племен, с другой — новой ее окраска может быть связана и со сменой сфер культурного влияния. Милоградская культура,

как отмечалось, находилась под сильным влиянием степных и лесостепных южных культур. Оружие и орудия труда милоградцев неотличимы от скифских. Возможно, и в курганном обряде захоронений милоградцев отразилось скифское влияние. Во II веке до н. э. скифы были вытеснены сарматами, которых дела на севере интересовали значительно меньше, чем на юге. К моменту вызревания зарубинецкой культуры усилилось влияние наиболее сильного в то время средневропейского культурного очага, связанного с расцветом кельтской (латенской) культуры. На территории формирующейся зарубинецкой культуры распространяются латенские формы сосудов, лощеная керамика, фибулы, украшения. В течение всего периода существования зарубинецкой культуры влияние латенского очага было подавляющим. Новая окраска культуры оказалась настолько сильной, что затухала ее генетические корни.

Процесс формирования зарубинецкой культуры протекал на значительной части милоградской территории, но не на всей. Поэтому не все милоградские племена участвовали в этом процессе. В стороне от него остались верхнеднепровские группы милоградцев. Следовательно, возникновение зарубинецкой культуры не означало исчезновения милоградской. За пределами зарубинецкой «прародины» милоградцы продолжали развивать свою культуру. В связи с этим, вероятно, придется отодвинуть дальше верхнюю хронологическую границу милоградской культуры, может быть, выделить особую группу позднемилоградских памятников со своим ареалом, хронологией и типологической характеристикой. Область позднемилоградских племен располагалась между культурами зарубинецкой, днепровинской и штрихованной керамики. Возможно, одним из памятников этого позднейшего этапа является городище Кистени, исследованное автором, на котором были найдены довольно поздние предметы (круглопроволочные бронзовые браслеты с расширяющимися концами). Позднемилоградские племена испытывали сильное воздействие со стороны племен культуры штрихованной керамики, о чем может свидетельствовать распространившийся у них обычай покрывать штриховкой сосуды. Начиная с I века до н. э., многие позднемилоградские городища были оставлены населением и на них поселились зарубинецкие общины. Двуслойные городища с нижним милоградским и верхним зарубинецким слоем исследованы в Чаплине, Горошкове, Колочине, Мохове. Некоторые группы поздних милоградцев, возможно, были ассимилированы зарубинцами в процессе их постепенного распространения на северном направлении.

¹ См.: Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. — М., 1967, с. 164; 20, рис. 6.

² См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — М., 1970, с. 36.

³ См.: Мельниковская О. Н. Указ. соч., с. 169—186; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М.—Л., 1966, с. 184.

⁴ См.: Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.—VIII в. н. э.). — Минск, 1978, с. 30.

⁵ См.: Загоруйский Э. М. Древняя история Белоруссии: Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). — Минск, 1977, с. 59.

⁶ См.: Егорейченко А. А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке — Советская археология, 1982, № 1, с. 54.

⁷ Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. — Л., 1982, с. 33.

⁸ См.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне..., с. 213; Мельниковская О. Н. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. — Советская археология, 1963, № 1, с. 32; Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — Советская археология, 1960, № 1, с. 290.

⁹ См.: Кухаренко Ю. В. Указ. соч.

¹⁰ См.: Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — Краткие сообщения института археологии АН СССР, 1960, № 107, с. 3.

¹¹ См.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты, славяне..., с. 214; Он же. По следам древних славянских племен, с. 34.

¹² См.: Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении..., с. 299.

¹³ См.: Самойловский И. М. Корчеватовский могильник. — В кн.: Памятники зарубинецкой культуры: Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1959, № 70, с. 71.

¹⁴ См.: Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура: Свод археологических источников. — М., 1964, вып. Д1-19, табл. 7, рис. 24.

¹⁵ См.: Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержицы и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья. — Археологический сборник. Л., 1976, № 17, с. 56.

¹⁶ См.: Самойловский И. М. Указ. соч., с. 83.

¹⁷ См.: Каспарова К. В. Указ. соч., с. 37, 39; Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке, с. 47; Кубышев А. И., Максимов Е. В. Пироговский могильник.— Материалы и исследования по археологии СССР, 1969, № 160, с. 29.

¹⁸ См.: Максимов Е. В. Зарубинецкие городище Пилипенкова Гора.— Археология, 1971, № 4, с. 41.

¹⁹ См.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск, 1974, с. 368.

П. А. ШУПЛЯК

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1932 ГОДА В ГЕРМАНИИ И ПОЗИЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ

Президентские выборы 1932 года в Германии проходили в условиях чрезвычайно сложной экономической и внутривнутриполитической обстановки. Мировой экономический кризис, поразивший страну значительно сильнее, чем другие капиталистические государства, достиг к этому времени высшей точки своего развития. Правящие круги, стремясь по возможности ослабить разрушительное воздействие кризиса на «деловой мир», предпринимали максимальные усилия, чтобы переложить его основное бремя на плечи трудящихся.

С другой стороны, в этих кругах предполагалось использовать кризисные условия для реализации давно вынашиваемых стратегических планов, нацеленных на ликвидацию социально-экономических и политических завоеваний трудящихся, достигнутых в ходе Ноябрьской революции и в период после нее, и подготовку новой, реваншистской войны. При этом наиболее реакционная часть монополистической буржуазии считала, что выполнение этих задач возможно лишь в условиях преодоления буржуазно-парламентских институтов и установления диктаторского режима. Хотя первоначально не было абсолютного единства мнений о форме будущей диктатуры, но это не мешало реакции резко активизировать подготовку к смене режима в период кризиса, что выражалось в усилении разносторонней помощи фашистской партии и постепенном, но неуклонном ограничении буржуазно-парламентской демократии.

Реализация антинародных планов реакции вызвала резкое обострение классовых противоречий в стране и привела к поляризации политических сил. В этой обстановке правобуржуазные круги особенно настойчиво боролись за ключевые позиции в системе государственной власти, овладение которыми способствовало бы решению их тактических и стратегических планов. Важное место в этой борьбе отводилось президентским выборам 1932 года.

В качестве кандидатов на президентский пост буржуазная реакция выдвинула Гитлера, Гинденбурга и Дюстерберга. Правда, во втором туре выборов кандидатура Дюстерберга из-за полной бесперспективности и с целью определенной консолидации буржуазного лагеря была снята. Интересы трудящихся защищал лишь один кандидат — Э. Тельман, опиравшийся на поддержку КПГ и ее сторонников. Более чем шестимиллионная армия членов германских профсоюзов, следуя призывам своего руководства, оказалась в ходе предвыборной кампании на стороне Гинденбурга.

85-летний Пауль фон Гинденбург, фельдмаршал, главнокомандующий германской армией в годы первой мировой войны, типичный прусский милитарист, реакционер, с нескрываемым презрением относившийся к социал-демократии и профсоюзам, государственный деятель, уже проявивший себя верным защитником интересов крупных монополий и юнкерства в течение семилетнего пребывания на президентском посту, стал вдруг, в немалой степени благодаря стараниям профсоюзных лидеров, «народным» кандидатом. Политические взгляды Гинденбурга были достаточно хорошо известны в профсоюзных кругах. На президентских выборах 1925 года профсоюзы всех направлений выступали против его кандидатуры. Руководство свободных профсоюзов (АДГБ), например, совместно с социал-демократическими лидерами клеймило Гинденбурга как «на три четверти монархиста», заявляя, что его избрание на пост президента «принесет неисчислимые бедствия всему немецкому народу» и приведет к тому, что «все рабочие станут беднее, а Стайнес и Тиссен богаче»¹. Да и в ходе предвыборной кампании 1932 года правление АДГБ официально заявляло, что не имеет ничего общего «с политическими тенденциями, которые представляет фельдмаршал»². Но Гинденбург рассматривался как «мень-